

ГРАФИНЯ ДАШЪ.
ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЪ.
РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКОГО.

с.-петербургъ.

Типографія Ф.Х.Гордана, Вознесенскій пр. № 47.

1878.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 25 Мая 1878 г.

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ ЛОЗЕНЬ.

РОМАНЪ.

ГРАФИНИ ДАШЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Маршалъ де Лоржъ уѣхалъ командовать Рейнской арміей и г. де Сен-Симонъ отправился вмѣстѣ. Мать и сестра были въ горѣ. Что касается до меня, то беспокоясь за батюшку, я въ тоже время, не отказывалась отъ развлеченій, которыхъ г. де Лозень, въ ту эпоху, еще запрещать не рѣшался, разумѣется подъ условіемъ раздѣлять ихъ со мною, потому что ревность его стерегла меня неусыпно.

Онъ былъ озлобленъ до нельзя не получивъ назначенія въ арміи маршала; я увѣрена, что онъ женился на мнѣ съ единственной цѣлью, возвратитъ себѣ этимъ путемъ королевскую милость. Читатели видѣли, что король, который зналъ его нравы, оградилъ себя отъ хода тайствъ за герцога, и что онъ вынужденъ былъ удовольствоваться мною, не получивъ ни малѣйшаго доступа къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ его гордое честолюбіе.

Наше знакомство съ герцогомъ Шартрскимъ, въ паркѣ Сен-Клу, произвело на меня впечатлѣніе, котораго я не отталкивала; при дворѣ, я не видѣла никого, ктобы могъ съ нимъ соперничать въ красотѣ и любезности, и въ невинности сердца, говорила при всѣхъ мои ощущенія. Г. де Лозень очень строго мнѣ выговорилъ и поручилъ моей матери поддержать его замѣчаніемъ. Свободнѣе съ нею чѣмъ съ мужемъ, я при первомъ же случаѣ попросила ее объяснить отношенія, которыя оставались мнѣ непонятными.

— О герцогѣ Шартрскомъ не говорятъ, дитя мое, — сказала мнѣ герцогиня.

— Но почему; матушка? Герцогъ Шартрскій сынъ королевскаго брата, племянникъ его величества, это принцъ какъ всѣ принцы, лучше чѣмъ прочіе. О другихъ говорятъ, а о немъ не позволено, почему это такъ?

— Герцогъ Шартрскій принцъ не похожій на прочихъ, сударыня.

— Однако, онъ дѣлаетъ чудеса во Фландрской арміи, это еще вчера у васъ говорили, его нельзя ни въ чемъ упрекнуть.

— Напротивъ, его во всемъ упрекаютъ. Онъ въ немилости короля, почти не бываетъ въ Версалѣ, окружаетъ себя въ Парижѣ людьми, которыхъ назвать не возможно, ведетъ образъ жизни предосудительный и г. де Лозень очень умно поступилъ, уклонившись отъ чести его посѣщенія, когда онъ на дняхъ пріѣзжалъ къ вамъ съ визитомъ.

— А! такъ онъ пріѣзжалъ?

И я бѣсилась съ досады. Какъ! ему отказали и не сказавъ мнѣ ни слова! Это было, обращаться со мною какъ съ дѣвочкой, что мнѣ казалось чрезмѣрною дерзостью, хотя я не смѣла ничего подобнаго обнаружить предъ матерью.

— Да, дитя мое, пріѣзжалъ. Это грустная вещь, что дочери маршала де Лоржъ не могутъ принять внука Франціи, не опасаясь осужденія со стороны двора и столицы. И вотъ, однако же, къ чему насъ всѣхъ привело поведеніе герцога Шартрскаго!

Я не удовлетворилась этимъ объясненіемъ и угадывала несправедливость. Прекрасный принцъ, котораго я видѣла, не могъ заслужить такихъ порицаній; съ другой стороны, городъ полонъ былъ славы его воинственныхъ подвиговъ; можетъ ли человѣкъ такой храбрый, принадлежать въ тоже время къ категоріи тѣхъ, кого нельзя принять не краснѣя, хотя бы они назывались племянниками Людовика XIV?

Такія рѣчи сдѣлали то, что мысленно, я постоянно обращалась къ герцогу Шартрскому, между тѣмъ, какъ оставъ меня въ мирѣ, я можетъ быть вовсе о немъ бы не думала. Мнѣ кажется, никогда не слѣдуетъ повторять молодой женщинѣ о необходимости бѣжать столкновений съ опасностями, когда у ней нѣтъ ничего подобнаго въ думѣ.

Въ это время мы были назначены слѣдовать за дворомъ въ его поѣздкѣ въ Марли, гдѣ совершилось знаменитое приключеніе, возбуждившее столько шума, не смотря на всю его незначительность.

Во Фландріи случилась ужасная вещь. Герцогъ дю Мэнъ, который командовалъ правымъ крыломъ, отказался идти въ наступленіе, несмотря на приказаніе маршала де Вильруа, на мольбы окружающихъ и на крики солдатъ, не стѣснявшихся въ выраженіяхъ. Онъ далъ пройти г-ну де Ведемону и такимъ образомъ, принудилъ маршала Буффлера къ сдачи Намура. Онъ испугался, удралъ, какъ говорятъ шалуны, не выбирающіе своихъ энергическихъ терминовъ. Это было тѣмъ больше замѣтно, что герцогъ Шартрскій, принцъ Конти и всѣ другіе отличались геройствомъ. Королю, который любилъ безгранично батаровъ своихъ, и особенно г-на дю Мэнъ, не рассказали этого славнаго подвига; маршалъ де Вильруа не смѣлъ донести, а г-жа де Ментенонъ никогда не рѣшилась бы обвинить своего возлюбленнаго воспитанника; и только голландская *газета* которую онъ пробѣгалъ по утрамъ, намекнула ему о чемъ то, говоря о происходившей, замѣчательной битвѣ, о доблести непобѣдимаго герцога дю Мэнъ и о томъ что его вынесли съ поля сраженія, покрытаго ранами, и еле живаго.

Слѣдующая газета опровергала свои вчерашнія донесенія, извиняясь передъ читателями. Она была обманута, писали въ газетѣ, правдоподобіемъ фактовъ и не предполагала возможнымъ чтобы г. де Ведемонъ могъ пробраться при такомъ благопріятномъ для Франціи положеніи дѣла, иначе какъ въ томъ только случаѣ, еслибы герцогъ дю Мэнъ палъ подъ вражеской пулей.

Эта подлость и пораженіе возмущали всю Францію, отъ двора до народа. Король видѣлъ по лицамъ неудовольствіе публики; онъ понялъ что отъ него что-то скрываютъ и захотѣлъ имѣть слово загадки.

За этимъ онъ обратился къ ла Вьенну, своему камердинеру, человѣку испытанной преданности, и въ правдивости котораго ни минуты не сомнѣвался.

Однажды, въ эту поѣздку въ Марли, при утреннемъ туалетѣ, онъ устроился такъ, что остался одинъ съ своимъ вѣрнымъ ла Вьеномъ и вдругъ спросилъ совсѣмъ неожиданно, можетъ ли онъ рассчитывать на привязанность стараго камердинера и убѣдитъ ли онъ въ ней своего короля однимъ изъ тѣхъ доказательствъ, которыя врядъ ли онъ встрѣтитъ въ придворныхъ за сто миль отъ цѣли вопроса; тотъ отвѣчалъ, что всегда и во всемъ, онъ покорнѣйшій рабъ своего повелителя.

— Если такъ, — продолжалъ Людовикъ XIV, — скажи мнѣ правду о герцогѣ дю Мэнъ.

Ла Вьенъ онѣмѣлъ отъ испуга, онъ опустилъ глаза и что то пробормоталъ содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

— Но что же тамъ такое? — продолжалъ король, краснѣя отъ гнѣва, — я долженъ узнать и ты одинъ можешь сказать мнѣ въ чемъ дѣло.

— Ваше Величество... Ваше Величество...

— Да говори же, или я тебя выгоню!

Бѣдный ла Вьенъ, попавшись на удочку, цѣдилъ всѣ слова одно за другимъ, пыхтя и потѣя, и когда король его выслушалъ, то остался сидѣть пораженный какъ громомъ: ничто не могло быть больнѣй его сердцу чѣмъ это.

Тѣмъ не менѣе, онъ вышелъ къ столу, гдѣ его ждали всѣ дамы, потому, что никакое личное горе не позволяло ему забывать приличій и вѣжливости.

Во время обѣда онъ говорилъ очень мало, хотя видимо сильно старался казаться спокойнымъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что одинъ изъ лакеевъ, убирая десертъ, спустилъ въ свой карманъ небольшую бисквиту; чтобъ разразиться, ему надо было только предлогъ и этотъ бѣдный малый поплатился за всѣхъ уже разомъ. Ему подали шляпу и трость; онъ накинулся на несчастнаго вора, замахнулся и такъ ударилъ его, что трость разлетелась. Всѣ изумились; еще никто никогда не видалъ короля въ такомъ настроеніи и сейчасъ догадались что эта странная выходка была результатомъ другой, неизвѣстной причины.

Отецъ Лашезъ шелъ на встрѣчу монарху и онъ сказалъ ему громко:

— Батюшка, я сломалъ мою трость о спину мерзавца, но Богъ не накажетъ меня, онъ заслужилъ эту кару.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней, ни о чемъ кромѣ этого не было рѣчи, пока не узнали одной остроты г-на д'Ельбефъ, отъ которой герцогъ дю Мэнъ окончательно палъ въ общественномъ мнѣніи.

Говорили о возвратѣ въ Парижъ и каждый задавался вопросомъ гдѣ онъ будетъ служить если откроется снова кампанія.

— Что касается до меня, то я сейчасъ узнаю гдѣ буду, — сказалъ г. д'Ельбефъ.

И въ ту же минуту обращаясь къ г-ну дю Мэнъ, онъ прибавилъ:

— Гдѣ служите вы, милостивый государь? куда бы вы не пошли, я клянусь что за вами послѣдую.

— Право? — сказала герцогъ дю Мэнъ съ пріятной улыбкой; — я не зналъ что вы до такой степени изъ друзей моихъ. Почему же вы хотите за мною послѣдовать?

— Ma foi! милостивый государь, я не дошелъ еще до желанія смерти, а съ вами можно быть смѣло увѣреннымъ что останешься живъ.

Эта эпиграмма прошла по цѣлой Европѣ; нѣтъ сомнѣнія что король о ней знал, но только не далъ замѣтить.

Мой отецъ заболѣлъ серьезно въ походѣ и находился въ опасности. Г. де Лозень, не имѣя возможности сопровождать меня самъ, не позволилъ мнѣ ѣхать къ постели больного съ моей огорченною матерью. Мы остались при дворѣ въ большомъ безпокойствѣ, которое на этотъ разъ, счастливо разсѣялось; но маршалъ, какъ ни желалъ, уже не могъ командовать арміей; король со всѣмъ деликатнымъ вниманіемъ, просилъ чтобы онъ остался въ покоѣ и поберегъ свои силы; согласиться было необходимо.

Мало по малу всѣ возвратились послѣ кампаніи и принцы ранѣ прочихъ. Герцогъ Шартрскій такъ отличился, что madame, гордясь имъ по справедливости, приказала ему пріѣхать въ Версаль, чтобы раскланяться съ королемою, гдѣ онъ остался нѣсколько дней и былъ принятъ очень неблагоклонно. Король завидовалъ славѣ племянника, зная объ униженіи сына.

Въ то время, г. де Сен-Симонъ былъ лучшимъ и можетъ быть единственнымъ другомъ герцога Шартрскаго. Изъ уваженія къ справедливости, надо сказать что зять мой имѣлъ благородное мужество остаться вѣрнымъ ему, даже тогда, когда всѣ избѣгали бѣднаго принца, какъ очумленнаго; разговаривая съ нами, онъ относился о немъ въ самыхъ лучшихъ и дружескихъ выраженіяхъ, защищалъ его противъ всякихъ нападокъ, но въ то же время, не требовалъ отъ сестры чтобы она принимала его чаще, чѣмъ это ей было пріятно.

Однажды г-жа де Сен-Симонъ давала пріятельскій завтракъ. Въ этотъ день г. де Лозень уѣзжалъ почему то въ Парижъ. Она упросила его чтобы я непременно присутствовала, въ числѣ приглашенныхъ на завтракъ, хотя онъ и не могъ мнѣ сопутствовать; для меня это было истиннымъ праздникомъ. Общество было немногосложное, но особенно оживленное. Герцогъ Шартрскій пріѣхалъ не званый. Онъ, конечно, былъ принятъ, не смотря на то что при его появленіи, всѣ лица повытянулись, и только мое покраснѣло. Поговоривъ немного съ сестрой и герцогиней де Лоржъ, онъ подошелъ ко мнѣ, когда я стояла поодаль, разсматривая картины, подаренныя зятю изъ кабинета герцога Орлеанскаго. Онъ взялъ ихъ предметомъ вступленія и съ минуту нашъ разговоръ вертѣлся на живописи. Я отвѣчала не зная что говорю, стояла смущенная, страшась наблюденія матери и не смѣя взглянуть на него.

— Меня не допустили васъ видѣть, сударыня, — продолжалъ онъ измѣняя тему бесѣды безъ всякой послѣдовательности; — одинъ случай помогъ мнѣ приблизиться къ вамъ.

— Я не понимаю, монсеньоръ.

— Я знаю что въ заколдованный замокъ доступъ всегда затруднителенъ. Однако, даже въ самыхъ суровыхъ изъ сказокъ, случается, что ключъ бываетъ оброненъ; вы не изъ тѣхъ сострадательныхъ фей герцогиня.

— Г. де Лозень желаетъ...

— Г. де Лозень желаетъ сохранить себѣ одному все право васъ видѣть, и это понятно. Онъ опытенъ страшно и знаетъ какъ просто утратить сокровище, которое возбуждаетъ всеобщую зависть. Наша встрѣча въ Сен-Клу запечатлѣлась во мнѣ. Не смѣю надѣяться чтобы вы о ней помнили столько же какъ я. Этотъ день въ числѣ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни. Тутъ уже, я положительно не нашла никакого отвѣта и сдѣлавъ глубокой поклонъ, отошла, что было, конечно, не очень учтиво, но по моему мнѣнію, оставалось единственнымъ средствомъ на эту минуту. Принцъ слѣдилъ за мною глазами, съ такимъ кроткимъ упрекомъ во взорѣ, что я не могла забыть его долго.

Герцогъ Шартрскій нѣсколько разъ со мною заговаривалъ, но я убѣгала его, не потому чтобы не имѣла желанія слушать, но мнѣ было такъ страшно! г-жа де Сен-Симонъ просила меня остаться; она считала себя какъ бы отвѣтственною за мои дѣйствія и даже сказала мнѣ это; я покорилась, говоря себѣ мысленно, что если бы г. де Лозень подозрѣвалъ только правду, то я провела бы минуты очень тяжелыя.

На сдѣдующій день, въ обыкновенномъ вечернемъ собраніи, я сидѣла сначала съ г-жею де Люинъ; она отошла отъ меня черезъ полчаса времени. Г. де Лозень, по желанію английской королевы, долженъ былъ сѣсть въ ея партію, и отказаться отъ наблюденій за мною; я увѣрена что онъ проглотилъ бы и карты и марки такъ онъ бѣсился, хотя не показывалъ видъ.

Едва г-жа де Люинъ оставила мѣсто, какъ герцогъ Шартрскій сейчасъ же усѣлся и началъ со мной разговоръ, который почти одинъ и поддерживалъ. Я не была изъ застѣнчивыхъ, тѣмъ не менѣе, и даже не рѣдко дразнила ревниваго мужа, смѣясь съ молодыми сеньорами, которыхъ потомъ онъ ненавидѣлъ отъ чистаго сердца. Но съ этимъ, мой пульсъ усиленно бился, я ощущала смущеніе, робость, не смѣла поднять моихъ глазъ, боясь его взгляда который жегъ мою душу. Мнѣ было жутко и весело, хотѣлось бы удержать его тутъ и дѣлалось страшно чтобы онъ не остался. Въ мои тогдашніе годы, не умѣють понять что могутъ значить такія различныя ощущенія; позднѣе, читая *школу женщинъ* Мольера, я оцѣнила высокое знаніе